Репин, В.В. Изменение территориальной принадлежности Бессарабии в июне 1940 г. в контексте геополитических планов СССР и Германии / В.В. Репин // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2010. — С. 175-181.

В.В. Репин

ИЗМЕНЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ БЕССАРАБИИ В ИЮНЕ 1940 г. В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНОВ СССР И ГЕРМАНИИ

Проблема территориальной принадлежности Бессарабии в период между мировыми войнами XX в. представляла собой узел советско-румынских противоречий в Карпато-Дунайском регионе. Сформировавшаяся в рамках Версальской системы международных отношений, на званная проблема, по определению румынского дипломата М. Стурдзы, являлась «политической брешью, заботливо сохраняемой в границах буржуазного мира, зародышем военного прорыва в их планах раз рушения этого мира» [1, с. 367]. В целом диапазон историографических оценок решения вопроса о Бессарабии в 1940 г. варьируется в зависимости от концептуальных подходов национальных историографических школ: румынской, которая и по сей день отрицает факт легитимности событий лета 1940 г., разрушивших целостность «Великой Румынии», молдавской, которая связывает смену власти в регионе со становлением национальной государственности [2; 3; 4]. Западная историография проблемы, для которой факт советско-германских договоренностей 1939 г. всегда являлся неоспоримым, акцентирует внимание на последствия реинкорпорации края для национальных меньшинств в регионе, на проблемы политической борьбы в румынской элите и утверждение новых подходов к национальной политике в 1940—1941 гг. [5; 6; 7]. Современные исследовательские приоритеты российской и украинской историографии сосредоточены на анализе реализации советско-германских договоренностей и реконструкции операции по занятию Бессарабии советскими войсками в июне 1940 г. [8; 9; 10; 11]. Традиционный для советской и российской историографии принцип защиты российских интересов на Балканах заметен и в наиболее значительной моно графии М. И. Мельтюхова «Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917—1940 гг.)», которую оценивают как направленную на реабилитацию действий СССР в бессарабском урегулировании [12].

Современный уровень опубликованной документальной базы позволяет сосредоточить внимание на создании целостной модели разрешения бессарабского советско-румынского территориального спора в

контексте советского и германского факторов на Балканах на начальном этапе Второй мировой войны.

Дипломатическая подготовка реинкорпорации Бессарабии в январе — мае 1940 г. Следует признать, что вмешательство Германии в бессарабский вопрос было неизбежным, и не только в контексте соглашений по Секретному дополнительному протоколу от 23 августа 1939 г. Румынские лидеры надеялись, что Гитлер, заинтересованный в поставках нефти, станет защищать румынские границы, которые жаждали перекроить Венгрия в Трансильвании, Болгария в Южной Добрудже и Советский Союз в Бессарабии. В беседе с немецким посланником В. Фабрициусом 8 декабря 1939 г. глава румынского МИДа Г. Гафенку отмечал, что в случае возможного выдвижения Советским Союзом территориальных претензий к Румынии она обратится за

помощью именно к Берлину (а не Лондону или Парижу), а если же Германия не поддержит Бухарест, то неизбежной будет румыно-советская война, и следователь но, Рейх не будет получать нефть и зерно. Но из Берлина поступили безапелляционные инструкции статс-секретаря Аусамта Э. фон Вейцзекера «воздержаться как от официальных, так и частных советов». Немец назвал Парижский протокол 1920 г. о признании рядом западных стран румынского суверенитета над Бессарабией «греческим подарком», и, видимо, будучи осведомленным об известном третьем пункте к про токолу, высказал уверенность, что Румыния вряд ли сможет удержать заднестровские территории [13, с. 266; 14].

Советское правительство поднимает бессарабский вопрос сравнительно поздно: из всех западных лимитрофов СССР Румыния после дней почувствовала результаты раздела сфер влияния в Центральной Европе. Но советское руководство предвкушало «наказание» неуступчивого днестровского соседа уже с осени 1939 г.: во время переговоров с турецким министром иностранных дел Ш. Сараджоглу Сталин, говоря о нестабильности обстановки на Балканах, как будто моделирует ситуацию: «…вышло осложнение у СССР с Румынией из-за Бессарабии — мы не думаем на румын нападать, но и Бессарабию дарить не будем — опять конфликт. …Кто связывается с Румынией взаимной помощью, тот должен держать меч наготове: тут и Венгрия; и может еще кто-нибудь…» [15, с. 149]. Уже из этих слов становилось ясно, кто мог быть только инициатором «осложнения из-за Бессарабии», учитывая панический страх Бухареста перед любыми попытками ревизии ее границ.

Москва готовила два плана возвращения края. В первом, основном, случае предполагалась военная акция по аналогии с советско-финской

войной. В таком случае планировалась сложная операция с использованием бомбардировочной авиации и высадкой десанта. При втором варианте после дипломатического решения проходила бы мирная эвакуация румын за р. Прут и ввод в регион ограниченного количества советских войск [16, с. 28, 71—73].

Основной причиной неопределенности советской дипломатии при установлении сроков выдвижения претензий к Бухаресту являлось то, что Москва не представляла ясно, по какому сценарию должно происходить возвращение Бессарабии. Постоянно меняющаяся международная обстановка разрушала любые планы, было невозможно разработать серьезную дипломатическую комбинацию. Следствием этого стало то, что многие шаги НКИД предпринимал по обстоятельствам, как оно произошло и в случае с Бессарабией.

Звонком для Бухареста, что скоро настанет время решать бессарабский вопрос, стала речь главы НКИД В. М. Молотова на заседании VI сессии Верховного совета СССР 29 марта 1940 г. Здесь как снег на голову для румын вновь ставились претензии на край: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз ни когда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бесасарабии военным путем» [курсив авт. — Р. В.]. 9 апреля сам Молотов вру чает румынскому посланнику Н. Давидеску меморандум, в котором перечисляются случаи обстрела левого днестровского берега, и предупреждает, что «повторение таких инцидентов не приведет ни к чему хорошему»[17, с. 50—51, 215—216]. По существу, слова Молотова означали конец джентльменскому соглашению о неупоминании бессарабской проблемы в двусторонних отношениях, заключенному в 1933 г. главами внешнеполитических ведомств Н. Титулеску и М. М. Литвиновым.

19 апреля 1940 г. поверенный в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанд в беседе с румынским посланником Р. Босси разъяснил, что выступление Молотова являлось не

провокацией, а «приглашением к вальсу». Румын возразил ему, что при поднятии бессарабского вопроса любой диалог Москвы и Бухареста будет безрезультатным. Приведу ответ советского дипломата: «В любом случае, откуда вы знаете, что гн Молотов поставил бы вопрос о Бессарабии по всей его совокупности? Я ду маю, что вас бы удивило великодушие советского правительства». Да лее он развил свою мысль: «Но, может быть, у вас не просили бы никакой территориальной уступки?» Здесь он, как пример, приводит предложение уступить какую-либо морскую базу, «как в случае с Эстонией,

предназначенную для обороны от войск генерала Вейгана». В заключение беседы Гельфанд еще раз посоветовал побыстрее вступить в кон такт с Молотовым, так как «каждый день ситуация ухудшается». Эти слова были знаком, что тучи сгущаются над Бухарестом. Представляется, что рассмотренная беседа означала осторожный зондаж возможности усиления советского влияния в отношении внешней политики Румынии в целом. Упоминание о советск-эстонском пакте 28 сентября 1939 г. не случайно, Россию заботило укрепление своей безопасности в Черном море. Даже зная о результатах размещения советских гарнизонов в Прибалтике, допустимо интерпретировать «приглашение к вальсу» как предложение изменить внешнеполитическую ориентацию Бухареста в пользу СССР, что, вдруг, позволило бы Румынии даже сохранить целостность границ. Понятно, что робкие предложения Давидеску об улучшении товарооборота были вовсе не тем, что хотели услышать в Москве. Нарком 1 мая даже поблагодарил Гельфанда (редкая практика в дипломатической переписке Москвы) за то, что «Добываемые Вами сведения, конечно, очень ценны для нас»[17, с. 390, 610— 611; 18, с. 294—296].

Но только 24 мая министр труда Румынии М. Раля приватно сообщил Куколеву, что «в настоящее время нет препятствий к разрешению всех спорных вопросов, как-то о Бессарабии», и что в румынском руководстве есть тенденции к сближению с СССР. Это сообщение, как свидетельствует помета Молотова на документе, не осталось без внимания в Москве [18, с. 297—299].

Хотя с начала мая стали широко распространяться слухи о концент рации советских войск на Днестре, дальнейших шагов из Бухареста не последовало. Там продолжали надеяться на «игру на двух столах» — ла вирование между «великими державами», недооценивая масштабы ка астрофы, в которую скатывалась Румыния.

Советское руководство довольно пассивно наблюдало, как Герма ния все крепче привязывает к себе румынскую политику. Известно, что Кароль II из двух зол — зависимости от Берлина или сближения с СССР — считал последнее большим. Поэтому уже с апреля румынские официальные круги старались подчеркнуть свою лояльность Германии, тогда как немецким дипломатам в Бухаресте была дана, как мы помним, инструкция замалчивать бессарабскую проблему. По мере продвижения немцев по Франции они без труда навязали в мае Румынии так называемый «нефтяной пакт», обязав ее на треть увеличить поставки нефти. Тем временем в меморандуме от 20 июня, составленном лично для

Гитлера, наивно подчеркивалось, что «идентичность интересов, которые связывали две страны в прошлом, еще больше углубит их отношения завтра и требует быстрой организации этого сотрудничества». Бухарест похоже уже рассчитывал только на Берлин, раз за месяц до бессарабского кризиса Гафенку поставил перед немецким посланником В. Фабрициусом прямой вопрос о мнении Рейха, какую политику в от ношении СССР

должна проводить Румыния, чтобы установить «более тесную» связь между ней и Германией [13, с. 188].

Советско-румынско-германское бессарабское урегулирование в июне 1940 г. Германия стремилась не допустить вооруженный конфликт на Днестре, который мог привести к стихийному переделу всех границ дунайского королевства, снабжающего Берлин стратегическими ресурсами. Не из праздного любопытства немецкий посол в Москве Ф. фон Шуленбург спрашивал Молотова 13 ноября 1939 г. по поводу слухов о концентрации советских войск на Днестре. Накануне второго Венского арбитража, 28 августа 1940 г., министр просвещения и пропаганды III Рейха Й. Геббельс в дневнике изложил суть германской политики на Балканах летом 1940 г.: «Риббентроп и Чиано встречаются с Венгрией и Румынией в Вене. Там придется оказать на обе эти страны давление. Цель: мир на Балканах. Нам не нужна там никакая война…» [15, с. 285; 19, с. 233, 239]. Берлин влиял на Бухарест, с тем чтобы как пресечь его сближения с Москвой, так и не допустить каких-либо обострений на румынских границах вообще. В румынской столице тоже понимали, что только Германия может спасти их от сокрушительной войны на три фронта. Кароль II в решающий день ответа на советскую ноту 27 июня 1940 г. записал в дневнике: «За все это Германия несет частично моральную ответственность, ибо, чтобы удовлетворить ее, я избегал установления дружественных отношений с СССР». Вспоминая вышеупомянутый меморандум, понятно глубокое разочарование, охватившее Кароля II, чья личность, как и его страна в целом, о чем свидетельству ют оскорбительные характеристики Геббельса, не очень высоко ценились в Берлине [19, с. 198; 20, с. 360].

Когда же французы неожиданно капитулировали 22 июня 1940 г., Москва оказалась вынуждена форсировать осуществление своих претензий [21, с. 78—80]. В Берлине усиливались опасения в отношении советской политики: показательна запись Геббельса в дневнике от 25 июля: «Сталин сообщает Шуленбургу, что намерен действовать против Румынии. Это противоречит нашей договоренности». Реакция немецкого общественного мнения ярко прослеживается по дневниковым

записям Геббельса. 29 июня он пишет: «Вчера: […] Румыния уступила Москве. Бессарабия и Северная Буковина отойдут к России. Для нас это очень неприятно. Русские используют ситуацию…»; 5 июля: «Славизм распространяется по всем Балканам. Россия использует момент» [17, с. 288—295; 19, с. 233].

Однако и Москва в 1940 г. согласовывала свой внешнеполитический курс с Берлином. Парадоксально, что оба участника бессарабского спора перед тем, как принять решение о действиях в июне 1940 г., про консультировались с Германией. Конечно, в НКИДе не было причин беспокоиться, что Берлин откажется от своих обязательств по Бессарабии. 23 июня Молотов заявил Шуленбургу, что «разрешение бессарабского вопроса не терпит дальнейших отлагательств». Москва проявила небывалую решимость, и намеки на возможность скорейшего силового разрешения, сделанные Молотовым в беседах с Шуленбургом и итальянским послом А. Россо, вынудили Аусамт очень быстро реагировать на советские предложения. 24 июня Риббентроп составляет меморандум по этому вопросу для Гитлера, и уже на следующий день Шуленбург получает разрешение подтвердить верность Германии московским соглашениям. Берлин в ответе на советский запрос выдвинул ряд условий. Помимо подчеркивания германских торговых интересов в крае, требования предоставить немецкому населению областей права пере ехать в Германию и, наверное, главного условия не допустить эскалацию военного конфликта, заявление о советских претензиях должно было последовать после аналогичных действий третьей страны (Болгарии или Венгрии). На последний пункт не отмечено никакой реакции советского руководства, хотя соблюдение этого положения означало бы

оттягивание выполнения советских претензий на неопределенный срок. Но это даже Берлин считал маловероятным и, скорее всего, предполагал этим пунктом несколько усмирить рвение Москвы, выиграть время для улаживания кризиса в наиболее благоприятном для себя русле. Ответ Шуленбурга, несмотря на выражение некоторого недоумения относительно выдвижения претензий на Буковину, как бы давал СССР санкцию на немедленные действия, но Берлин решил устроить все по собственному сценарию, чтобы не допустить эскалации конфликта. Москва принимает вариант урегулирования, изложенный Шуленбур гом Молотову 25 июня 1940 г., согласно которому «в ближайшем будущем СССР поднимет вопрос, а Германия скажет Румынии «соглашайся». Молотов подчеркнул, что в противном случае война будет неизбежной. 26 июня из советской миссии в Риме пришла депеша с поме-

той «Немедленно», где уведомлялось, что «Италия готова посоветовать Румынии принять советское предложение по бессарабскому вопросу» [17, с. 356—357, 364—368, 373—376, 378, 384; 22, с. 198—203].

Как бы оказывая услугу Москве, пообещав взять техническую сторону мирного возвращения края на себя, Берлин не встретил противодействия и вдобавок получил согласие Молотова довольствоваться лишь северной частью Буковины. Германия получила важнейший рычаг влияния на ход событий, не давая Москве шанса проявить инициативу да лее Прута или согласовать свои действия с Венгрией и Болгарией. Будапешт особенно был разочарован мирным исходом июньского кризиса. Настоящая дипломатическая победа в этой комбинации досталась Германии. Используя страх румын, она стала гарантом их от угрозы советского вторжения. Во время известной поездки Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. нарком как будто упрекнул Гитлера, что «Советский Союз хотя и не участвовал в большой войне, все же воевал против Финляндии и был совсем готов, если бы потребовалось, к войне за Бессарабию» [23, с. 80].

Немцы попробовали «подсластить пилюлю» для Румынии. Во время консультаций Шуленбург ставил вопрос о судьбе румынского золотого запаса, но Молотов категорически отказался его обсуждать [22, с. 202]. Однако Берлин сумел удержать венгров от попыток начать параллельное наступление в Трансильвании.

На протяжении 1920х — начала 1930х гг. советские дипломаты не раз последовательно и обстоятельно приводили аргументы в защиту своих позиций в споре о Бессарабии. Удивительно то, что эта тенденция сравнительно слабо проявляется в тексте ноты НКИДа от 26 июня 1940 г., жестком, категоричном и небрежно аргументированном. Изменение советско-румынского status quo в Бессарабии связывалось с усилением военной мощи СССР, хотя здесь также приводились положения об исторической связи края с Россией и незаконности румынского правления. Фактор национального самоопределения населения края не получил определяющего значения в этом документе: больше внимания уделено обоснованию исторической несправедливости факта румынской оккупации, а подавляющее большинство населения обеих территорий заявлено как украинцы, что в отношении Бессарабии не соответствует даже советской статистике 1940 г. Российский исследователь М. Д. Ерещенко отмечает, что этот документ, отражая справедливую суть советских требований, делал их ущербными с точки зрения международного права [10, с. 327; 16, с. 84—87; 20, с. 348—354; 24, с. 221—226].

Ультиматум Молотова вызвал панику в Бухаресте. Вначале единственным выходом казалось сопротивление, и хотя был получен совет Риббентропа принять

советские требования («во имя сохранения мира на этой части земли»), продублированный и итальянской миссией, пер вое заседание Коронного Совета выявило напряженные колебания румынского руководства. Большинство его членов поддержали королевское намерение сопротивляться, но к вечеру стала очевидна вся безнадежность борьбы: советы немецких дипломатов поддержало 20 из 26 членов Коронного Совета. Интересно, что 26—27 июня зафиксированы многочисленные факты нарушения советского воздушного пространства румынскими, венгерскими и немецкими самолетами, одна ко это не вызвало никакой реакции Москвы. Советские власти теперь не скрывали свои планы и силы. В этот острый момент, когда Бухарест, Будапешт и Берлин напряженно следили, какое решение будет принято в бессарабском вопросе, решалась судьба национально-территориальных узлов на Балканах и в какой-то степени определялся ход всей мировой войны [20, с. 358—361; 22, с. 204—205; 25, с. 194—197; 26, с. 48].

Сама операция в конце июня в изложении руководителей Киевского ОВО имела множество недостатков, приведших к хаотичному взаимодействию военных частей и значительным материальным потерям, притом что эвакуация румын проходила практически без единого выстрела. Показательно то, что военные советы 9й и 12й армий, сосредоточенных на Днестре, были информированы о подготовке операции и своих задачах лишь за 7—8 дней до ультиматума Молотова. Вопросы организации предстоящего наступления, взаимодействие родов войск, управления, связи и устройства тыла, а также план действий на ближайший этап были проработаны военсоветами армий на местности с командирами корпусов и дивизий лишь 22 и 23 июня, а с остальным начсоставом всего за один день до переправы через Днестр. Такой короткий срок подготовки неблагоприятно сказался на ходе операций, а то, как странно обернулось противостояние с Румынией, заставило впоследствии политработников проводить активное «разъяснение существа и значения блестящей победы сталинской внешней политики — мирного разрешения конфликта между СССР и Румынией». Да и толь ко 26 июня первому секретарю ЦК КП(б) Украины были посланы сведения из Коминтерна относительно партийных кадров Бессарабии [16, с. 29—35, 58—77; 18, с. 299; 25, с. 202; 27, с. 374—375].

С сентября 1939 г. СССР проводил подготовку осуществления третьего пункта известного протокола, которая включала сбор разведы-

вательных сведений о настроениях в Румынии, зондаж иностранной дипломатии относительно последствий возвращения Бессарабии. Сами румыны отнюдь не закрывали глаза на угрозу с востока, ввиду тенденции продвижения границ СССР на запад. Установлено, что изначально Москва распространяла свои интересы и на Буковину в целях «окончательного объединения» украинской нации. Советская дипломатия не раз предпринимала зондаж относительно возобновления дипломатического диалога по Бессарабии и сближения по другим вопросам, но Бухарест официально не отреагировал на них. Таким образом, компромиссный путь разрешения бессарабского спора оказался не реализован.

Предвидя такой вариант развития событий, немецкое руководство считало своей задачей воспрепятствовать появлению очага войны на Балканах. Нацистская дипломатия проявляет инициативу уговорить Румынию выполнить советские требования, когда выясняет, что Москва уже готова разобраться в бессарабском вопросе самостоятельно и, скорее всего, силой оружия. Не установлено документов, объясняющих обращение СССР к проблемам юго-западных окраин в июне 1940 г. Поражение Франции заставило Москву динамизировать свою внешнюю политику, дабы успеть закрепить форпосты на Балканах. В Кремле не проявили дальновидности, предоставляя техническую сторону возвращения

Бессарабии Рейху и Италии. Берлин сумел свести к ми нимуму территориальные претензии СССР, не допустил опасного диа лога Москвы и Бухареста, что в итоге позволило ей стать главной силой на просторах всего Балканского полуострова [28; 29].

Надо помнить, что вскоре вслед за Бессарабией, по цепной реакции, пришла очередь поменять свою принадлежность и Трансильвании с Добруджей. Недаром венгерские официальные лица расценили июнь ские события как «ликвидацию принципа целостности Румынии» [26, с. 39, 122—123]. С другой стороны, Россия вернула свое присутствие на Балканах, что британский премьер-министр У. Черчилль расценил как возврат к «империализму царских времен». Нам неизвестны истинные планы Сталина в отношении Румынии и Балкан в целом. Российский исследователь Б. В. Соколов предполагает, что поражение Франции вынудило Москву отказаться от широкомасштабной войны с Румынией и довольствоваться малым — только бывшей российской провинцией и частью Буковины. Европейские дипломаты не могли не проводить некоторые исторические параллели, бессарабский вопрос казался давно потухшим вулканом, и его пробуждение летом 1940 г. пытались свя-

зать с движением «литосферных плит» в советском руководстве. 2 августа в «Известиях» была опубликована речь Молотова, произнесенная им на 7й сессии Верховного Совета, где сказано, что «после урегулирования вопроса о Бессарабии нет ничего, что могло бы помешать добрососедским отношениям с Румынией». В то же время как румыны могли прореагировать на фразу Молотова, брошенную им в беседе с новым румынским посланником Гафенку 10 сентября 1940 г., смысл ко торой сводился к тому, что во время июньского кризиса «Советское правительство рассматривало предложения, сделанные им, как минимальные. И правда, нарком 26 июня объяснял Давидеску, что передача Се верной Буковины «может компенсировать лишь в незначительной степени … тот громадный ущерб, который был нанесен Советскому Союзу и населению Бессарабии 22летним господством Румынии» [17, с. 409, 512—513, 590; 18, с. 345—346, 418—419, 487—488, 491; 20, с. 349, 355; 30, с. 559, 606; 31, с. 39—40; 32; 33].

Бессарабский кризис стал катализатором советско-германского соперничества и окончательно привлек Бухарест, преисполненный реваншизма и недоверия к своему восточному соседу, на сторону Рейха. На протяжении всех предвоенных месяцев в Москву поступали многочисленные сообщения, нарастающие к 22 июня 1941 г., о подготовке румынами в союзе с Гитлером войны [34, с. 788—789, 798].

ЛИТЕРАТУРА

1. Советско-румынские отношения. 1917—1941. Сб. док.: в 2 т. / редкол.: А. А. Авде ев (рос. ч.), М.Р. Унгуряну (рум. ч.) М. : Международные отношения, 2000. Т. 1: 1917—1934. 456 с.

2. Văratec, V. The PoliticalTerritorial Division of Bessarabia in 1940 / Vitalie Văratec // Institutul National pentru Studiul Totalitarismului [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.totalitarism.ro/articole/articol_07.doc. Дата доступа: 16.05.2009.

3. История Бессарабии: (от истоков до 1998 года) / Иоан Скурту, Думитру Алмаш, Арманд Гошу [и др.]; Координатор: Иоан Скурту; пер. с рум. яз.: д. ист. наук Енчу Нико лая И. Изд. 2е, перераб. и доп. Кишинэу : Онисифор и Октавиан Гибу, 2001. 352 с.

4. Трудный путь истории Молдовы 1940—1950е гг. Сб. док. и материалов / сост. В. И. Пасат. М. : Терра, 1994. 800 с.

5. Deletant, D. Hitler's Forgotten Ally: Ion Antonescu and His Regime, Romania 1940—1944. / D. Deletant. London. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. 392 p.

6. Deletant, D. The june/july 1940 Romanian withdrawal from Bessarabia and Nothern Bukovina and its consequences on interethnic relations in Romania / Dennis Deletant // Institute for Political Studies of Defense and Military History [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ispaim.ro/doc/English/07%201.3.doc. Дата доступа: 04.05.2009.
7. King, Ch. Moldovenii. Rombnia. Rusia єi politica culturalг. / Ch. King. Chiєinгu : Editura Arc, 2004. 274 p.

8. Аблизин, В. А. Преддверие Великой Отечественной войны. Бессарабская кампа ния Красной Армии летом 1940 года / В. А. Аблизин // Доклады Академии военных наук. Военная история. Саратов, 2005 № 3. С. 16—22.
9. Гросул, В. Я. Возвращение на Дунай / В. Я. Гросул // Военноисторический жур нал. 2003. № 4. С. 62—67.
10. Ерещенко, М. Д. Румыния между Германией и Советским Союзом: политика без иллюзий / М. Д. Ерещенко // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М. : Индрик, 1999. С. 333—362.
11. Крикніцький, О. П. Військова операція Червоної армії з анексії Північної Букови ни і Бессарабії (червень — липень 1940 р.) / О. П. Крикніцький // Український історич ний журнал. 2001. № 1. С. 143—159.
12. Мельтюхов, М. И. Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в со ветскорумынских отношениях (1917—1940 гг.) / М. И. Мельтюхов. М. : Яуза: Эксмо, 2006. 512 с.
13. Лебедев, Н. И. Крах фашизма в Румынии / Н. И. Лебедев. Изд. 2е. М. : Наука, 1983. 551 с.
14. Волков, В. К. Страны Восточной Европы в водовороте событий накануне Второй мировой войны / В. К. Волков // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М. : Индрик, 1999. С. 58—73.
15. Документы внешней политики. Т. XXII: Кн. 2: 1 сентября — 31 декабря 1939 г. М. : Междунар. отношения, 1992. 688 с.
16. Пакт Молотова — Риббентропа и его последствия для Бессарабии. Сб. док. / сост.: В. Вэратек, И. Шишкану. Кишинев : Университас, 1991. 121 с.
17. Документы внешней политики. Т. XXIII: 1940 — 22 июня 1941 г.: в 2 кн. Кн. 1: 1 января — 31 октября 1940 г. / редкол.: Г. Э. Мамедов. М. : Междунар. отношения, 1995. 746 с.
18. Советскорумынские отношения. Т. II.: 1935—1941. М. : Междунар. отношения, 2000. 542 с.
19. Дневники Й. Геббельса. 1940—1941 / в пер. Е. М. Ржевской. // Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 197—222; 1995. № 1. С. 230—239; № 3. С. 198—219.
20. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы / сост.: В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко. М.: Индрик, 1996. 380 с.
21. Робертс, Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939—1945 гг.: Идеология, расчет, импровизация / Дж. Робертс // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 75—101.
22. Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы / сост.: Ю. Фельштинский. М. : Московский рабочий, 1991. 366 с.
23. Запись беседы В. М. Молотова с А. Гитлером от 13 нояб. 1940 г. // Новая и новей шая история. 1993. № 5. С. 78—82.
24. Документы внешней политики СССР. Т. VII: 1 января — 31 декабря 1924 г. / ред кол. Г. К. Деев [и др.]. М. : Политиздат, 1963. 760 с.
25. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: в 8 т. / сост.: В. П. Ямпольский. М. : 1995—2008. Т. 1: Накануне. Кн. 1: ноябрь 1938 г. —

декабрь 1940 г. М. : Книга и бизнес, 1995. 451 с.
26. Трансильванский вопрос. Венгерорумынский территориальный спор и СССР. 1940—1946 гг. Документы российских архивов / редкол.: Т. М. Исламов [и др.]. М. : РОС СПЭН, 2000. 455 с.
27. Коминтерн и Вторая мировая война. Документы. Ч. 1—2. Ч. 1: до 22 июня 1940 г. / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Памятники исторической мысли, 1994. 555 с.

28. Исламов, Т. М. Румыновенгерский конфликт в контексте германосоветского соперничества / Т. М. Исламов, Т. А. Покивайлова // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М. : Индрик, 1999. С. 299—332.
29. Улунян, Ар. А. Геополитические взгляды российской правящей элиты на балканс кий регион с конца XIX века до 90х гг. XX века (проблемы исторической политологии) / Ар. А. Улунян // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкнове ний XX века. Сб. статей./ редкол.: Г. Г. Литаврин. СПб. : Алетейя, 2002. С. 260—274.
30. 1941 год: [Сб. документов]: в 2 кн. / под ред. В. П. Наумова. М. : Междунар. фонд «Демократия», 1998. 828 с.
31. Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1: 1 ноября 1940 — 1 марта 1941 г. М. : Междунар. отношения, 1998. 444 с. Ч. 2: 2 марта 1941 г. — 22 июня 1941 г. М. : Междунар. отношения, 1998. 445—886 с.
32. Лазарев, А. М. Год 1940 — продолжение социалистической революции в Бессара бии / А. М. Лазарев. Кишинэу : Картя Молдовняскэ, 1985. 327 с.
33. Соколов, Б. В. Собирался ли Сталин нападать на Гитлера / Б. В. Соколов // Война и политика. 1939—1941 / отв. ред. чл.кор. РАН А. О. Чубарьян. М. : Наука, 2000. С. 305—329.
34. Штраудман, Х. П. фон. Обостряющиеся парадоксы. Гитлер, Сталин и германо советские экономические связи. 1939—1941 / Х. П. фон Штраудман // Война и политика, 1939—1941 / отв. ред. чл.кор. РАН А. О. Чубарьян. М. : Наука, 2000. С. 366—383.